

КЛАССИКА ДЕТЕКТИВА

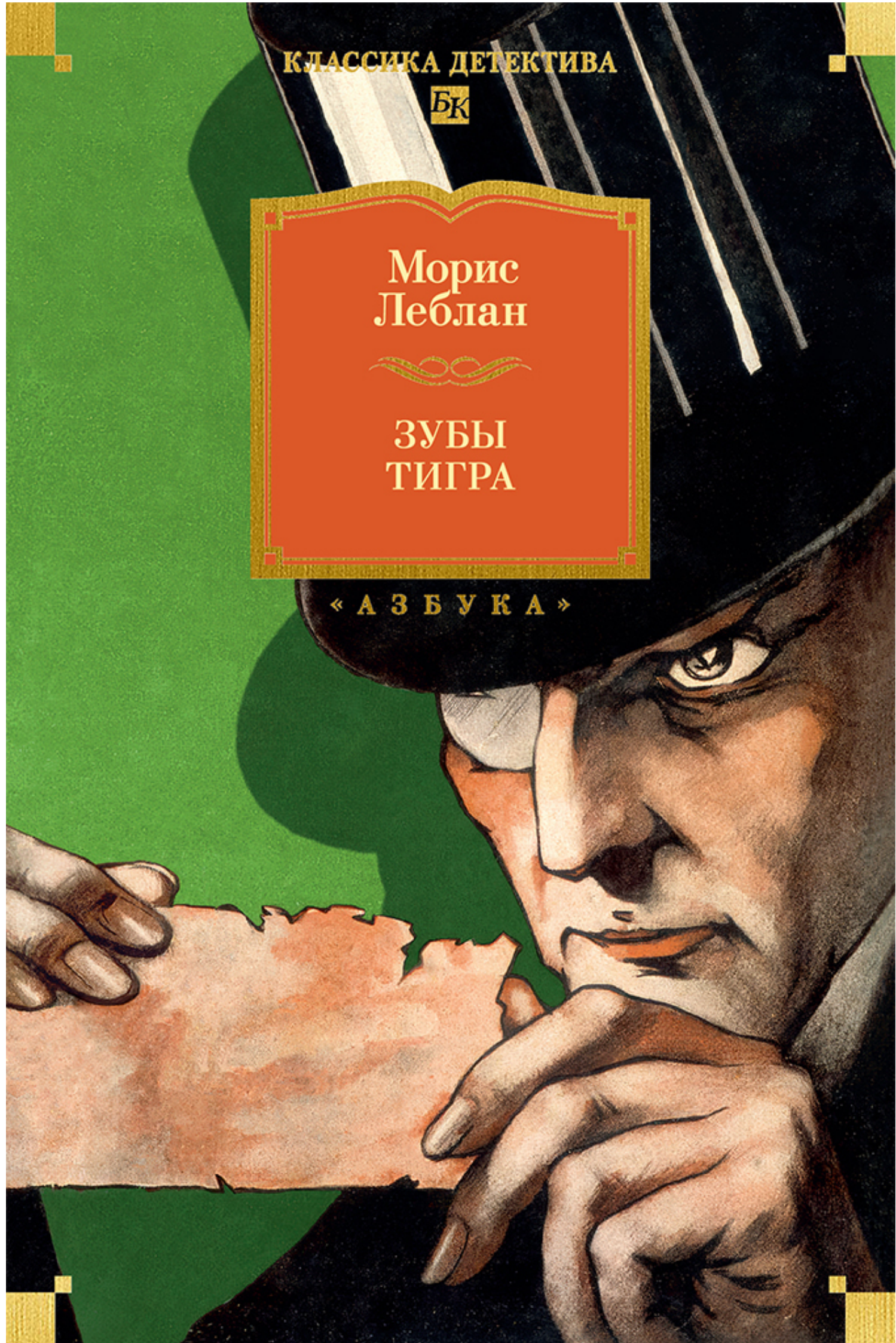
БК

Морис
Леблан

ЗУБЫ
ТИГРА

« А З Б У К А »

Арсен Люпен

Морис Леблан

Зубы тигра

«Азбука»

1914

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Леблан М.

Зубы тигра / М. Леблан — «Азбука», 1914 — (Арсен Люпен)

ISBN 978-5-389-33948-4

Книги французского писателя Мориса Леблана о приключениях Арсена Люпена раскупались при жизни автора огромными тиражами, превышающими тиражи книг самого Конан Дойла. Арсен Люпен – великий искатель приключений, король воров, человек с тысячью обличий. Совершая изощренные кражи, успешно уходя от возмездия, Люпен скопил колоссальное богатство, позволившее ему оставить карьеру преступника и встать на путь добродетели, верша правосудие и спасая жизни там, где бессилён закон. Однако знаменитый аферист не забыл свои старые привычки и его методы все так же удивительны и непредсказуемы... Роман «Зубы тигра» сопровождается иллюстрациями французских, английских и американских художников.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-33948-4

© Леблан М., 1914
© Азбука, 1914

Содержание

Часть первая	8
Глава первая	8
Глава вторая	24
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Морис Леблан

Зубы тигра

Maurice Leblanc

LES DENTS DU TIGRE

© М. Е. Тайманова, перевод, 2023

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

* * *

Часть первая Дон Луис Перенна

Глава первая Д'Артаньян, Портос и граф Монте-Кристо

Когда к половине пятого месье Демалион, префект полиции, так и не вернулся в свой кабинет, его секретарь разложил на письменном столе папку с полученной корреспонденцией и уже подготовленными им донесениями, позвонил, вызывая дежурного полицейского, и когда тот вошел в помещение через главную дверь, сказал ему:

– Господин префект пригласил к себе на пять часов группу лиц, вот список. Пусть они ждут по отдельности, следите, чтобы они не общались между собой, а мне принесите их визитные карточки.

Дежурный вышел. Секретарь направился к небольшой двери, ведущей в его кабинет, но тут открылась главная дверь: пошатываясь, вошел мужчина, остановился и оперся о спинку кресла.

– Ах, это вы, Верб? Что случилось? Что с вами?

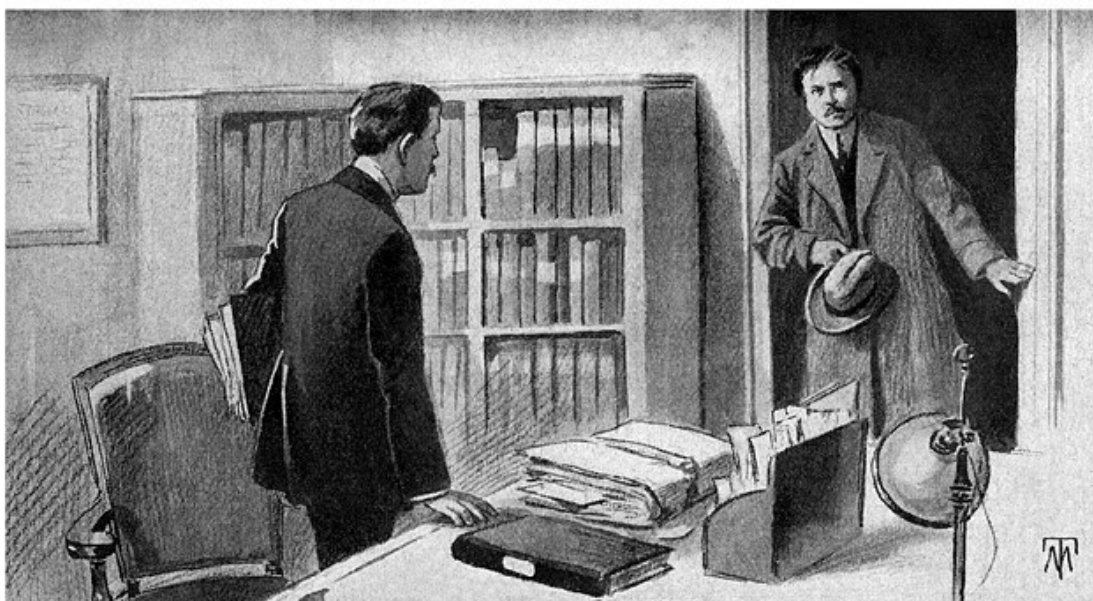
Казалось, что плотным, широкоплечим, краснощеким инспектором Веро владеют какие-то сильные чувства, поскольку его лицо, испещренное красными прожилками, сейчас выглядело почти бледным.

– Все в порядке, господин секретарь.

– Да нет же, вы выглядите больным... Белый как полотно... Испарина на лбу...

Инспектор Веро сел в кресло, отер пот со лба и, стараясь взять себя в руки, произнес:

– Я немного устал... Вымотался за последние дни. Из всех сил старался разобраться в деле, порученном мне господином префектом... Но знаете, мне как-то не по себе.

– Хотите, я принесу сердечные капли?

– Нет-нет, мне хочется пить.

– Стакан воды?

– Нет... Спасибо...

– Тогда что же?

– Я бы хотел... Я бы хотел...

У него прервался голос, он с тревогой огляделся по сторонам, словно внезапно чего-то испугался. Но, овладев собой, продолжил:

– Господин префект на месте?

– Нет, вернется только к пяти, у него назначено важное совещание.

– Да... я знаю. Весьма важное. Для этого он меня и вызвал. Но я бы хотел перед этим переговорить с ним. Мне необходимо его увидеть!

Секретарь внимательно посмотрел на Веро и заметил:

– Вы так взволнованы! У вас какое-то важное сообщение?

– Чрезвычайно важное. Речь идет о преступлении, которое произошло – день в день – месяц назад... А теперь нужно срочно принять меры, чтобы предотвратить два связанных с ним убийства, которые должны произойти сегодня ночью... Да, сегодня ночью, и их не избежать, если мы не вмешаемся.

– Хорошо, Веро. Не волнуйтесь.

– Это воистину дьявольский план! Даже трудно себе представить...

– Но раз уж вы обо всем осведомлены, Веро... Господин префект предоставит вам полную свободу действий...

– Да-да, разумеется... Но все же жаль, если мне не удастся поговорить с господином префектом. Однако же я на всякий случай написал письмо, в котором изложил все, что мне известно об этом деле. Так мне показалось разумнее.

Он вручил секретарю большой желтый конверт и добавил:

– И вот еще коробочка, ее я тоже кладу на стол. В ней содержится некоторая дополнительная информация, поясняющая содержание письма.

– Но почему вы не хотите держать все это у себя?

– Мне страшно... За мной следят... От меня хотят избавиться... Мне будет спокойнее, если кто-то еще приобщится к этой тайне.

– Не беспокойтесь, месье Веро. Господин префект вот-вот прибудет. А я бы посоветовал вам пока сходить в аптеку и купить какие-то сердечные капли.

Казалось, инспектор колеблется. Он снова вытер вспотевший лоб. Потом встал и вышел.

Оставшись один, секретарь вложил его письмо в пухлую папку, лежащую на столе префекта, и прошел в свой личный кабинет.

Не успел он закрыть за собою дверь, как из приемной вновь появился инспектор и пробормотал, запинаясь:

– Господин секретарь, лучше я сам покажу вам...

Несчастный был страшно бледен. У него стучали зубы. Когда он увидел, что в комнате никого нет, он было направился в кабинет секретаря, но у него подкосились ноги, и он без сил рухнул на стул, где просидел в оцепенении несколько минут, а затем произнес со стоном:

– Что со мной? Неужели меня тоже отравили? Боже, как мне страшно...

Он схватил с письменного стола карандаш, пододвинул к себе блокнот и стал торопливо что-то писать. Потом прошептал:

– Да нет, не стоит, ведь префект и так прочтет мое письмо... Но все-таки – что со мной? Как же мне страшно... – Он рывком вскочил и произнес: – Господин секретарь, нужно... нужно, чтобы... Это произойдет сегодня ночью... Никакая сила на свете не помешает...

Мелкими шажками, как автомат, собрав всю силу воли, он приблизился к двери в кабинет секретаря, но, не дойдя, зашатался и снова опустился на стул.

Он трясся от безумного страха, что-то кричал, но почти беззвучно, так что никто не мог его услышать. Он это понял и стал искать глазами кнопку звонка или колокольчик, но не нашел. Ему казалось, что глаза заволокла густая пелена.

Тогда Веро упал на колени, пополз к двери в кабинет, как слепой шаря одной рукой по сторонам, и, наконец нащупав деревянную панель, стал продвигаться вдоль нее. К несчастью, из-за помутившегося сознания он плохо ориентировался и вместо того, чтобы повернуть налево, пополз направо, за ширму, скрывавшую небольшую дверцу.

Он наткнулся рукой на дверную ручку и сумел повернуть ее. Шепча: «Помогите... Помогите...», он оказался в комнатке, служившей префекту полиции туалетной.

– Сегодня ночью! – стонал он, полагая, что его слышат и он находится в кабинете секретаря, – убийство назначено на эту ночь... Вот увидите... следы зубов... какой ужас!.. Как мне плохо!.. Помогите! Меня отравили... Спасите меня!

Голос его совсем затих, с бескровных губ срывались лишь бессвязные звуки. Казалось, он что-то беззвучно жует, наподобие стариков, у которых вечно шевелятся губы. Его голова медленно склонилась на грудь. Он испустил несколько вздохов, тело его сотряслось в конвульсиях и застыло. А затем раздался равномерный глухой предсмертный хрип, перемежавшийся короткими паузами, когда казалось, что последние жизненные усилия еще оживляют затухающее дыхание и зажигают в погасших глазах проблески сознания.

Без десяти пять в кабинет вошел префект полиции.

Месье Демалион – мужчина лет пятидесяти, грузного телосложения, с умным лицом и проницательными глазами – занимал этот пост уже несколько лет и снискал всеобщее уважение. Его одежда – серые брюки и пиджак, белые гетры, галстук-бант – никак не походила на костюм чиновника. Держал он себя непринужденно: просто, благожелательно и открыто.

Он позвонил, и тут же появился секретарь.

– Те, кого я вызвал, уже явились?

– Да, господин префект, я распорядился, чтобы они ждали в разных помещениях.

– Ну, они все равно не могли бы сообщить друг другу ничего существенного, но так спокойнее... Надеюсь, что посла Соединенных Штатов вы не побеспокоили?

– Нет, господин префект.

– Их визитные карточки при вас?

– Вот они.

Секретарь протянул ему пять карточек:

Арчибальд Брайт, первый секретарь посольства США.

Мэтр Лепертюи, нотариус.

Хуан Касерес, атташе дипломатической миссии Перу.

Граф д'Астриньяк, майор в отставке.

На последней карточке значилось только имя: дон Луис Перенна – ни адреса, ни других сведений.

– Вот его-то мне очень хочется увидеть, – произнес Демалион. – Он чертовски меня интересует!.. Вы читали отчет Иностранного легиона?

– Да, господин префект, и, признаюсь, этот человек меня тоже заинтриговал.

– Не правда ли? Какая смелость! Неслыханный героизм, что-то поистине невероятное. Товарищи даже прозвали его Арсеном Люпенем, настолько он поражал их своей отвагой и такое имел на них влияние!.. Когда умер Арсен Люпен?

– За два года до начала войны, господин префект. Тела Люпена и мадам Кессельбах нашли под обломками небольшого шале, сгоревшего неподалеку от люксембургской границы. Расследование показало, что он задушил эту чудовищную мадам Кессельбах, преступления которой были раскрыты позже, а сам повесился после того, как поджег шале.

– Ну, этот гнусный тип заслужил такой конец, – изрек Демалион, – и признаюсь, что я бы все отдал, только бы не столкнуться с ним на узкой дорожке... Так о чем мы говорили? Готово ли дело о наследстве Морнингтонов?

– Лежит у вас на столе, господин префект.

– Хорошо. Да, кстати... Инспектор Веро еще не показывался?

– Он был здесь, господин префект. Но должно быть, сейчас бедняга у врача, приходит в себя.

– А что с ним случилось?

– Он был в каком-то странном состоянии и выглядел совершенно больным.

– Что это значит? Объясните-ка поподробнее...

Секретарь рассказал о своем разговоре с инспектором Веро.

– Вы говорите, он оставил мне письмо? – спросил Демалион с озабоченным видом. – И где же оно?

– В этой папке, господин префект.

– Странно... Все это на редкость странно. Веро – первоклассный инспектор, весьма хладнокровный, и если он чем-то обеспокоен, значит не зря. Будьте любезны, найдите его и пригласите сюда. А я тем временем просмотрю почту.

Секретарь ушел. Минут через пять он вернулся с изумленным видом и объявил, что инспектора Веро нигде нет.

– Но самое непонятное, господин префект, это то, что дежурный видел, как Веро покинул ваш кабинет, а потом тотчас же туда вернулся, однако второй раз оттуда не выходил.

– Так, может быть, он просто прошел через мой кабинет и направился к вам?

– Ко мне, господин префект? Но я неотлучно находился у себя.

– Тогда все это необъяснимо...

– И впрямь необъяснимо. Разве что дежурный на минуту отвлекся, раз Веро нет ни здесь, ни там.

– Скорее всего, вы правы. Наверное, и впрямь вышел к врачу и вернется с минуты на минуту. К тому же в самом начале совещания он мне не нужен.

Префект взглянул на часы:

– Пять десять. Велите дежурному пригласить сюда этих господ... Хотя...

Демалион колебался. Перебирая содержимое папки, он нашел письмо Веро. Это был большой желтый конверт с напечатанным на нем адресом: кафе «Пон-Нёф».

– Господин префект, мне кажется, что в связи с исчезновением Веро и тем, что он успел мне сообщить, вам следует срочно ознакомиться с содержанием его письма, – заявил секретарь.

– Да, вероятно, это разумно, – согласился Демалион после минутного раздумья.

Он решительно вскрыл конверт ножом для разрезания бумаг и тут же воскликнул:

– Что за ерунда?!

– В чем дело, господин префект?

– Здесь всего лишь лист чистой бумаги... Больше в конверте ничего нет.

– Не может быть!

– Сами взгляните... Вчетверо сложенный лист и ни единого слова.

– Но Веро мне сам сказал, что изложил здесь все, что ему известно об этом деле...

– Возможно, он так и сказал, но вы же видите... Если бы я не знал инспектора Веро, то подумал бы, что это розыгрыш...

– А может быть, он по рассеянности?..

– Скорее всего. Но это на него не похоже. Как можно быть рассеянным, когда речь идет о жизни двух человек? Ведь он же предупредил вас, что сегодня ночью может произойти двойное убийство?

– Да, господин префект, этой ночью и при каких-то ужасных обстоятельствах... «дьявольский план», как он мне сказал.

Заложив руки за спину, Демалион принялся расхаживать по кабинету. Остановился перед небольшим столиком:

– Что это за пакет на мое имя? «Господину префекту полиции. Вскрыть в случае непредвиденной ситуации».

– А, про это я и забыл... – спохватился секретарь. – Это тоже от инспектора Веро, что-то очень важное, как он сказал, – дополнительная информация, поясняющая содержание письма.

– Право слово, – сказал месье Демалион, с трудом сдерживая улыбку, – само письмо действительно требует пояснений, и, хотя речь не идет о непредвиденной ситуации, я все же не стану медлить.

Произнеся эти слова, он перерезал бечевку, развернул оберточную бумагу и достал коробочку – небольшой картонный коробок, наподобие аптечного, только сильно испачканный и явно бывший в употреблении.

Он открыл ее. В коробочке между слоями не менее грязной ваты лежало полплитки шоколада.

– Черт возьми, это еще что такое? – недоуменно пробормотал префект.

Он взял шоколад, осмотрел его и сразу увидел, что именно скрывала в себе эта слегка размякшая плитка, и понял, почему инспектор Веро сохранил ее. С обеих сторон на глубине двух или трех миллиметров на ней сохранились четкие следы редких зубов, расположенных на значительном расстоянии друг от друга. Они не были одинаковыми – разной ширины и разной, но очень определенной формы; промежутки между зубами тоже были неравными. Итак, их обладатель надкусил шоколад и оставил на плитке отпечатки четырех верхних и пяти нижних зубов.

Демалион, опустив голову, застыл в задумчивости, а потом снова начал расхаживать взад и вперед по кабинету, бормоча под нос:

– Как странно! В этом кроется глубокая тайна, которую мне хотелось бы узнать... Лист бумаги, отпечатки зубов... Что все это значит?

Но поскольку не в его правилах было долго размышлять над загадкой, разгадку которой ему предстояло узнать с минуты на минуту – ведь инспектор Веро находился в здании префектуры или где-то поблизости, – он сказал секретарю:

– Я не могу дольше заставлять ждать этих господ. Распорядитесь, чтобы их проводили сюда. А если появится инспектор Веро, в чем я не сомневаюсь, тут же дайте мне знать. Мне не терпится его увидеть. По всем другим вопросам прошу меня не беспокоить.

Через две минуты дежурный ввел в кабинет префекта мэтра Лепертюи, толстяка с багровым лицом в очках и с бакенбардами, секретаря посольства Арчибальда Брайта и перуанского атташе Касереса. Демалион был знаком со всеми троими и любезно беседовал с ними, прервавшись лишь для того, чтобы приветствовать майора графа д'Астриньяка, героя Чауи¹, вынужденного из-за боевых ранений досрочно выйти в отставку. Префект выразил свое восхищение его подвигами в Марокко.

Дверь снова открылась.

– Дон Луис Перенна, не так ли? – спросил префект, протягивая руку довольно худощавому господину среднего роста, кавалеру ордена Почетного легиона и медали за боевые заслуги – судя по его лицу, выражению глаз, живости манер и юношеской осанке, ему можно было дать не больше сорока, хотя морщинки в уголках глаз и на лбу указывали на то, что он был немного старше.

Тот поклонился:

¹ Речь идет о французской военной экспедиции в Марокко, в регионе Чауи, в период с 1907 по 1914 г.

– Вы не ошиблись, господин префект.

Майор д'Астриньяк воскликнул:

– Так это вы, Перенна! Вы еще не покинули этот мир?

– А, господин майор! Как приятно снова с вами свидеться!

– Перенна жив! Но когда я уезжал из Марокко, от вас не было никаких вестей. Все думали, что вы погибли.

– Я всего лишь был в плену.

– В плену у диких племен... Это равносильно смерти.

– Никак нет, господин майор, сбежать можно отовсюду... И я тому живой пример...

Несколько секунд префект полиции с несвойственной ему доброжелательностью всматривался в энергичное, улыбчивое, загорелое, многократно опаленное солнцем лицо, в честные и полные решимости глаза.

Затем, предложив присутствующим занять места вокруг его письменного стола, он уселся сам и четко, не торопясь, обратился к ним с такими словами:

– Мое приглашение, адресованное каждому из вас, господа, должно быть, показалось вам несколько кратким и загадочным... И то, что я собираюсь сейчас сказать, не уменьшит вашего удивления. Но если вы окажете мне доверие, то сами легко убедитесь, что дело это достаточно несложное и в нем нет ничего необычного. Я постараюсь быть чрезвычайно краток.

Он открыл папку, подготовленную секретарем, и, поглядывая в записи, продолжил:

– Незадолго до войны тысяча восемьсот семидесятого года в Сент-Этьене проживали три сироты – сестры Эрмелина, Элизабет и Арманда Руссель, двадцати восьми, двадцати двух и двадцати лет от роду, а также их кузен Виктор, на несколько лет их моложе.

Старшая, Эрмелина, первой уехала из Сент-Этьена, отправившись в Лондон вслед за англичанином по имени Морнингтон, за которого собиралась вскоре выйти замуж и от которого родила сына Космó. Жили они бедно, и им пришлось пройти через множество испытаний. Эрмелина неоднократно обращалась к сестрам с просьбами о помощи, но, не получив ответа, прекратила им писать. Примерно в тысяча восемьсот семьдесят пятом году супруги Морнингтон отправились в Америку. Через пять лет они разбогатели. Мистер Морнингтон умер в тысяча восемьсот восемьдесят третьем году, а его жена продолжала распоряжаться завещанным ей состоянием и, обладая редкими финансовыми и деловыми способностями, увеличила его до невиданных размеров. Когда она скончалась в тысяча девятьсот пятом году, то оставила сыну четыреста миллионов.

Казалось, эта цифра произвела впечатление на собравшихся. Префект, заметив, что майор и дон Луис Перенна переглянулись, спросил:

– Вы ведь были знакомы с Космо Морнингтоном, не так ли?

– Да, господин префект, – ответил граф д'Астриньяк. – Он какое-то время жил в Марокко, когда я и месье Перенна там воевали.

– Именно так, – продолжил Демалион. – Затем Космо Морнингтон начал путешествовать. Я слышал, что он занялся медициной и, когда требовалась его помощь, лечил больных с полным знанием дела и, разумеется, бесплатно. Сперва он жил в Египте, потом в Алжире и Марокко, а в конце тысяча девятьсот четырнадцатого года вернулся в Америку, чтобы оттуда оказывать помощь союзникам. В прошлом году после заключения перемирия он обосновался в Париже. И месяц назад умер здесь в результате нелепого несчастного случая.

– Неудачно сделанный укол, не правда ли, господин префект? – спросил секретарь посольства Соединенных Штатов. – Об этом много писали в газетах, да и нас, дипломатов, тоже известили.

– Да, – подтвердил Демалион, – чтобы окончательно избавиться от долгой инфлюэнцы, приковавшей его на всю зиму к постели, месье Морнингтон по совету своего доктора вводил

себе инъекции глицерофосфата кальция. Одна из них была сделана без должной предосторожности, и тут же возникло воспаление. Через несколько часов месье Морнингтона не стало.

Префект полиции повернулся к нотариусу и спросил его:

– Соответствует ли мое изложение действительности, мэтр Лепертюи?

– Полностью, господин префект.

Демалион продолжил:

– На следующее утро мэтр Лепертюи явился сюда – причина его визита станет вам ясна по прочтении документа – и показал мне завещание Космо Морнингтона, которое тот вручил ему в собственные руки.

Пока префект искал что-то в своих бумагах, мэтр Лепертюи добавил:

– Господин префект позволит мне внести небольшое уточнение: до того как мой клиент вызвал меня к своему смертному одру, я встречался с ним лишь однажды, в тот день, когда он пригласил меня к себе в отель и передал недавно составленное им завещание. Тогда месье Морнингтон только что заболел инфлюэнцей. В нашем разговоре он сообщил мне, что принял определенные шаги по розыску родственников своей матери. Он надеялся более целенаправленно заняться этим после выздоровления, но обстоятельства помешали ему.

Тем временем префект полиции достал из папки распечатанный конверт, в котором лежали два листа бумаги. Он развернул лист большего размера и сказал:

– Вот завещание. Я зачитаю его вслух. Прошу вас внимательно выслушать и его, и дополнение к нему на втором листе. «Я, нижеподписавшийся Космо Морнингтон, законный сын Хьюберта Морнингтона и Эрмелины Руссель, ставший гражданином Соединенных Штатов Америки, завещаю половину своего состояния моей новой родине на дело благотворительности в соответствии с составленными мною собственноручно инструкциями, которые мэтр Лепертюи сообразовал передать в посольство Соединенных Штатов.

Остальные двести миллионов, размещенные в виде вкладов в различных банках Парижа и Лондона, списком которых располагает мэтр Лепертюи, в память своей горячо любимой матери я завещаю ее любимой сестре Элизабет Руссель или ее прямым наследникам. В случае их отсутствия – второй ее сестре Арманде Руссель или ее прямым наследникам, либо в случае их отсутствия их кузену Виктору или его прямым наследникам.

Если я скончаюсь, не сумев отыскать ныне живущих членов семьи Руссель или кузена трех сестер, я прошу моего друга дона Луиса Перенну произвести необходимый розыск. В этом случае я назначаю его душеприказчиком европейской части моего состояния, а также прошу взять на себя руководство ходом событий, которые могут произойти после моей смерти либо вследствие моей смерти, и считать себя моим душеприказчиком, действуя во имя моей памяти и ради исполнения моей воли. В благодарность за его услуги и в память о том, что он дважды спас мне жизнь, прошу его принять сумму в один миллион».

Префект помолчал несколько мгновений. Дон Луис прошептал:

– Бедный Космо... Я мог бы и без этого выполнить его последнее желание.

– «Если же, – продолжил чтение Демалион, – три месяца спустя после моей смерти розыски, предпринятые доном Луисом Перенной и мэтром Лепертюи, так и не увенчаются успехом, если ни один из живущих ныне наследников семьи Руссель не предъявит свои права на наследство, то вся сумма в двести миллионов франков окончательно и невзирая ни на какие последующие притязания будет передана в собственность моего друга дона Луиса Перенны. Я достаточно хорошо с ним знаком и не сомневаюсь, что он употребит ее сообразно своим благородным намерениям и величию замыслов, в которые он с таким жаром посвящал меня в марокканском шатре».

Демалион перевел взгляд на дона Луиса. Тот невозмутимо молчал. Однако на ресницах у него блеснули слезы. Граф д'Астриньяк сказал ему:

– Примите мои поздравления, Перенна.

– Господин майор, – ответил тот, – прошу вас заметить, что наследство достанется мне лишь при одном условии. И клянусь вам, что я сделаю все от себя зависящее, чтобы отыскать членов семьи Руссель.

– Не сомневаюсь, – ответил офицер, – я слишком хорошо вас знаю.

– Во всяком случае, – спросил префект полиции у дона Луиса, – вы же не откажетесь от этого... условного наследства?

– Разумеется, нет, – рассмеявшись, сказал Перенна. – Есть вещи, от которых нельзя отказаться.

– Мой вопрос вызван заключительным абзацем данного завещания, – сказал префект. – «Если по какой-то причине мой друг Перенна откажется от наследства или же умрет ранее назначенной даты его получения, прошу господина посла Соединенных Штатов Америки и господина префекта полиции договориться относительно распределения средств на постройку и содержание в Париже университета для студентов и будущих деятелей искусств, являющихся гражданами Америки. В этом случае господин префект изымет сумму в триста тысяч франков, которые внесет в кассу помощи полицейским».

Демалион сложил этот лист и взял другой:

– К завещанию прилагается дополнение в виде письма, которое мистер Морнингтон отослал некоторое время спустя мэтру Лепертюи, где он проясняет и уточняет некоторые положения:

«Я прошу мэтра Лепертюи вскрыть мое завещание на следующий день после моей смерти в присутствии господина префекта полиции, который, надеюсь, сообразоволил хранить его содержание в полной тайне в течение месяца. Месяц спустя, день в день, он, надеюсь, сообразоволил пригласить к себе высокопоставленного сотрудника посольства Соединенных Штатов, мэтра Лепертюи и дона Луиса Перенну. После прочтения завещания моему душеприказчику и другу дону Луису Перенне должен быть выдан чек на миллион долларов после рутинного рассмотрения его документов и установления личности. Я хотел бы, чтобы его личность была удостоверена майором графом д'Астриньяком, бывшим его командиром в Марокко, которому, к сожалению, пришлось досрочно уйти в отставку; подлинность же происхождения дона Луиса Перенны может подтвердить представитель перуанской миссии, поскольку дон Луис Перенна, имея испанское гражданство, родился в Перу.

Кроме того, я требую, чтобы наследников Руссель пригласили в нотариальную контору мэтра Лепертюи и поставили в известность о содержании моего завещания не раньше чем через два дня после моей кончины.

И наконец, последнее изъявление моей воли относительно наследования моего состояния и порядка соответствующей процедуры: надеюсь, что господин префект сообразоволил вторично созвать тех же участников в своем кабинете в удобный для него день – а точнее, в промежутке между шестидесятым и девяностым днем с момента первой встречи. И именно в этот день должно быть окончательно и официально объявлено, кто по закону наследует мое состояние; сам наследник должен непременно присутствовать на этом собрании, так же как и дон Луис Перенна, и если ни один из ныне живущих членов семьи Руссель или кузен Виктор не явится для получения наследства, то по окончании данного собрания оно отходит вышеназванному дону Луису Перенне».

Таково завещание месье Космо Морнингтона, – заключил префект полиции, – и именно поэтому, господа, вы были приглашены сюда. Шестой участник должен явиться с минуты на минуту, это один из моих агентов, которому я поручил разыскать семью Руссель, и он должен отчитаться здесь о полученных результатах. Но пока что нам следует твердо придерживаться распоряжений, выдвинутых завещателем. Я лично изучил документы, представленные мне доном Луисом Перенной две недели назад, и могу сообщить, что они в полном порядке.

Что же касается национальной принадлежности месье Перенны, я просил господина посла миссии Перу собрать самые точные о нем сведения.

– Данную обязанность господин посол перепоручил мне, – отозвался Касерес, атташе перуанской миссии. – Это оказалось несложным. Дон Луис Перенна принадлежит к старинной испанской семье, эмигрировавшей тридцать лет назад, но сохранившей свои земли и владения в Европе. Я встречал покойного отца дона Луиса в Америке, и он с нежностью говорил о своем единственном сыне. Именно сотрудники нашей миссии известили сына о смерти отца пять лет назад. Вот копия письма, отправленного в Марокко.

– А вот и само письмо, представленное доном Луисом Перенной, – добавил префект полиции. – Господин майор, вы узнаете легионера Перенну, воевавшего под вашим командованием?

– Да, я его узнаю, – подтвердил граф д’Астриньяк.

– Ошибки быть не может?

– Ни ошибки, ни малейшего сомнения.

Префект полиции рассмеялся и осторожно уточнил:

– То есть вы узнаете легионера Перенну, которого боевые товарищи прозвали Арсеном Люпенем, испытывая безграничное восхищение его подвигами?

– Да, господин префект, – подтвердил майор. – Боевые товарищи прозвали его Арсеном Люпенем, зато командиры говорили о нем иначе: герой, храбрый, как д’Артаньян, могучий, как Портос...

– И таинственный, как Монте-Кристо, – добавил с улыбкой префект полиции. – Все это значится в рапорте, полученном мною из четвертого полка Иностранного легиона. Нет смысла читать его целиком, но я подтверждаю тот неслыханный факт, что за два года легионер Перенна за свои особые заслуги получил боевую медаль и орден Почетного легиона, а также был семь раз упомянут в приказе. Я отмечаю...

– Господин префект, умоляю вас, – запротестовал дон Луис, – все это так скучно, не понимаю, кому это может быть интересно...

– Как раз наоборот, это весьма интересно, – возразил Демалион. – Эти господа собрались здесь не только для того, чтобы присутствовать при оглашении завещания, но также чтобы санкционировать исполнение единственного пункта завещания, который подлежит немедленному исполнению: передача части наследства в размере миллиона. Поэтому необходимо прояснить этих господ относительно получателя данного наследства. Так что я продолжу...

– Тогда, господин префект, – сказал Перенна, встав и направившись к двери, – позвольте мне...

– Кругом! Стоять! Смирно! – шутливо скомандовал майор д’Астриньяк.

Он отвел дона Луиса назад в центр комнаты и усадил на стул.

– Господин префект, я прошу пощадить моего товарища по оружию; его скромность подвергнется серьезному испытанию, если в его присутствии станут перечислять все его героизма. Тем более что рапорт находится здесь и каждый желающий может с ним ознакомиться. Заранее, даже не заглядывая в него, я готов подписаться под всеми содержащимися в нем похвальными словами и заявляю, что за всю мою долгую военную карьеру я не встречал ни одного солдата, равного легионеру Перенне. А ведь я на своем веку повидал немало настоящих башибузуков, которые попадают только в Иностранном легионе: им ничего не стоит перерезать горло – забавы ради, то есть для потехи, как они выражаются, либо просто чтобы удивить приятеля. Но ни один из них даже в подметки не годится Луису Перенне. Тот, кого мы называли д’Артаньяном, Портосом, де Бюсси, заслуживает сравнений с самыми замечательными героями – и легендарными, и подлинными. Я был свидетелем того, как он совершал настолько невероятные поступки, о которых я боюсь рассказывать из боязни прослыть лжецом, что даже

сегодня я совершенно хладнокровно задаюсь вопросом: а вправду ли я видел их своими глазами? Однажды в Сеттате², когда неприятель преследовал нас...

– Еще одно слово, господин майор, – шутливо произнес дон Луис, – и на сей раз я действительно исчезну. Вы особенно умеете щадить мою скромность...

– Мой дорогой Перенна, – продолжил граф д'Астриньяк, – я всегда вам говорил, что у вас множество достоинств и только один недостаток – то, что вы не француз.

– А я, господин майор, всегда на это отвечал, что я француз по матери, а кроме того, по душевному складу и темпераменту. Есть такие вещи, которые могут совершать только французы.

И двое мужчин с уважением пожали друг другу руки.

– Согласен, – сказал префект полиции, – прекратим разговоры о вашей доблести, месье, и об этом рапорте. Я лишь отмечу, что летом тысяча девятьсот пятнадцатого года вы попали в засаду, устроенную сорока берберами, были взяты в плен и вернулись в легион только в прошлом месяце.

– Да, господин префект, чтобы сдать оружие – мой пятилетний срок службы уже давно истек.

– Но каким образом Космо Морнингтон мог назвать вас своим законным наследником, если на момент составления завещания вы уже четыре года числились пропавшим без вести?

– Мы с Космо переписывались.

– Неужели?

– Да, я сообщил ему, что готовлю побег и намереваюсь затем вернуться в Париж.

– Но каким способом?.. Где вы были? И как это вам удалось?

Дон Луис молча улыбнулся.

– На этот раз перед нами Монте-Кристо, – сказал Демалион, – таинственный Монте-Кристо...

– Пусть будет Монте-Кристо, если вам угодно, господин префект. Тайна моего пленения, моего побега – короче говоря, всей моей жизни во время войны действительно достаточно непостижима. Возможно, когда-нибудь я ее и раскрою. Прошу поверить мне на слово.

Наступила тишина. Демалион еще раз внимательно оглядел этого необычного человека и, словно подчиняясь какому-то неукротимому ходу мыслей, произнес:

– Еще одно слово... последнее. Почему ваши товарищи дали вам такое странное прозвище – Арсен Люпен? Из-за вашей дерзости или физической силы?

– Нет, господин префект, совсем по другой причине. Произошла загадочная кража, некоторые ее детали, необъяснимые на первый взгляд, позволили мне обнаружить виновника.

– Выходит, вы умеете раскрывать преступления?

– Да, господин префект, у меня к этому определенная склонность, и я имел возможность несколько раз проявить ее в Африке. Отсюда и мое прозвище. После гибели Арсена Люпена о нем много говорили.

– Это была какая-то крупная кража?

– Довольно крупная, и пострадал от нее Космо Морнингтон, который жил тогда в провинции Оран³, где и завязались наши отношения. – Снова наступило молчание, а потом дон Луис добавил: – Бедный Космо! Это приключение внушило ему непоколебимую уверенность в моих скромных полицейских талантах. Он не раз говорил мне: «Перенна, если меня убьют (он был твердо уверен, что умрет насильственной смертью)...если меня убьют, поклянись, что ты найдешь убийцу».

² Сеттат – город в Марокко, расположенный к югу от Касабланки на высоте 370 м над уровнем моря и со всех сторон окруженный предгорьями. В центре города расположена крепость Исмала.

³ Оран – город-порт на побережье Алжира. Административный центр одноименной провинции. Второй крупнейший город страны.

– Но его предчувствия не оправдались, – заметил префект полиции. – Космо Морнингтон не был убит.

– Вы заблуждаетесь, господин префект, – возразил дон Луис.

Демалион так и подскочил:

– Что?! Что вы говорите?! Космо Морнингтон...

– Я говорю, что Космо Морнингтон умер не от неудачно сделанного укола, как все мы слышали, а насильственной смертью, как и опасался.

– Но, месье, ваше утверждение ни на чем не основано.

– Оно основано на реальных фактах, господин префект.

– Разве вы там были? Что вы об этом знаете?

– В прошлом месяце меня действительно не было в Париже. Мало того, когда я приехал сюда, то даже не знал о смерти Космо, потому что в ту пору не читал регулярно газет. Я впервые услышал об этом только сейчас от вас, господин префект.

– В таком случае, месье, вы можете знать только то, что знаю я, и должны полагаться на медицинское заключение.

– Мне очень жаль, но лично я не верю подобным заключениям.

– По какому праву, месье, вы выдвигаете это обвинение? У вас есть доказательства?

– Да.

– Какие именно?

– Ваши собственные слова, господин префект.

– Мои слова?

– Да, господин префект. Сначала вы сказали, что Космо Морнингтон стал заниматься медициной и лечил больных с полным знанием дела, а потом – что он неудачно сделал себе вызвавший смертельное воспаление укол и скончался несколько часов спустя.

– Да, не спорю.

– Но, господин префект, я утверждаю, что человек, который занимается медициной с большим знанием дела и лечит больных, как это делал Космо Морнингтон, не может сделать себе укол, не приняв всех необходимых антисептических мер. Я видел Космо за работой и знаю, насколько серьезно он к этому относился.

– И что же тогда выходит?

– Тогда выходит, что врач написал заключение о смерти так, как это обычно делают все врачи, когда ничто не вызывает у них подозрений.

– И вы полагаете?..

– Мэтр Лепертюи, – спросил Перенна, повернувшись к нотариусу, – когда вас вызвали к смертному одру месье Морнингтона, вы не заметили ничего странного?

– Нет, ничего. Месье Морнингтон уже впал в беспамятство.

– Странно, что один-единственный укол, каким бы неудачным он ни был, вызвал такую мгновенную реакцию, – заметил дон Луис. – Он не очень мучился?

– Нет... Хотя, пожалуй, да, мучился... Если я правильно помню, у него на лице выступили темные пятна, которых во время своего прошлого визита я не заметил.

– Темные пятна? Это подтверждает мою гипотезу! Космо Морнингтона отравили.

– Но каким образом? – воскликнул префект.

– Веществом, которое добавили в раствор глицерофосфата или в шприц, которым пользовался больной.

– А что сказал врач? – спросил Демалион.

– Мэтр Лепертюи, – продолжил Перенна, – вы обратили внимание врача на темные пятна?

– Да, но он не придавал им никакого значения.

– Это был его лечащий врач?

– Нет, его лечащий врач, доктор Пюжоль, – кстати, мой хороший приятель, который и рекомендовал меня Морнингтону как нотариуса, – был болен. У смертного одра, должно быть, находился местный эскулап.

– Вот его имя и адрес, – подтвердил префект полиции, поискав в деле свидетельство о смерти. – Доктор Беллавуан, улица д'Асторг, четырнадцать.

– У вас есть ежегодный справочник врачей, господин префект?

Демалион открыл и пролистал справочник. Через мгновение он сообщил:

– Доктор Беллавуан тут не значится, а по адресу: д'Асторг, четырнадцать, не живет ни один врач.

За этим заявлением последовало довольно продолжительное молчание. Секретарь посольства и перуанский атташе с живым интересом следили за ходом беседы. Майор д'Аст-риньяк одобрительно кивнул: он был уверен, что Перенна не мог ошибиться.

Префект полиции медленно кивнул:

– Что ж, разумеется, здесь есть ряд подозрительных обстоятельств... Эти темные пятна... Неизвестный врач... Да, в этом деле нужно хорошенько разобраться. – И словно невзначай, обращаясь к дону Луису Перенне, спросил: – Вы считаете, что существует связь между... возможным преступлением и завещанием Космо Морнингтона?

– Этого я утверждать не берусь, господин префект. Иначе следует предположить, что кому-то было известно содержание завещания. Вы полагаете, такое возможно, мэтр Лепертюи?

– Нет, не думаю, поскольку, как мне кажется, месье Морнингтон действовал весьма осмотрительно.

– А нельзя допустить, что кто-то ознакомился с завещанием в вашем кабинете?

– Нет, это исключено! Я один читал это завещание, и только у меня есть ключ от сейфа, куда я каждую ночь запираю документы подобной важности.

– Сейф не был взломан? Из вашего кабинета ничего не похищено?

– Нет.

– Вы видели Космо Морнингтона утром?

– Да, утром в пятницу.

– А где находилось завещание до вечера, пока вы не заперли его в сейфе?

– Должно быть, я положил его в ящик стола.

– Этот ящик не был взломан?

Мэтр Лепертюи с ошеломленным видом молчал.

– Так что же? – продолжил Перенна.

– Увы... да... я вспомнил... был один инцидент... в тот день, в ту самую пятницу.

– Вы уверены?

– Да. Когда я вернулся к себе после обеда, то обратил внимание, что ящик стола не заперт на ключ. Однако я точно помнил, что запер его, уходя. В тот момент я не придавал этому значения, но теперь я понял... понял...

Так постепенно подтверждались все гипотезы донна Луиса Перенны. И хотя эти гипотезы строились на определенных уликах, все они прежде всего свидетельствовали об интуиции и проницательности, поистине удивительных для человека, который, не принимая участия ни в одном из упомянутых событий, так искусно связал все воедино.

– Не будем медлить, – сказал префект полиции, – и проверим ваши, согласитесь, довольно дерзкие утверждения, сравнив их с тщательно собранными сведениями одного из моих агентов, которому я поручил это дело. Он уже должен быть здесь.

– Относятся ли его сведения к наследникам Космо Морнингтона?

– Прежде всего к наследникам, поскольку позавчера он позвонил мне по телефону и сказал, что собрал всю информацию, а также что... Я помню, что он упомянул в разговоре

с моим секретарем о преступлении, совершенном месяц назад. Сегодня ровно месяц, день в день, с тех пор как Космо Морнингтон...

Резким жестом Демалион нажал на кнопку звонка, и сразу же появился его секретарь.

– Где инспектор Веро? – резко спросил префект полиции.

– Еще не вернулся.

– Пусть его найдут и приведут сюда! Разыщите его во что бы то ни стало, и без промедления.

Затем он обратился к дону Луису Перенне:

– Час назад инспектор Веро приходил сюда – он плохо себя чувствовал и, кажется, был страшно взволнован, сказал, что за ним ведут наблюдение и установили слежку. Он должен был сообщить мне важнейшие сведения по делу Морнингтона и предупредить полицию, что готовится двойное убийство – оно, мол, назначено на эту ночь и имеет прямое отношение к смерти Космо Морнингтона.

– Он плохо себя чувствовал?

– Да, ему нездоровилось. И вел он себя очень странно, как будто у него разгулялось воображение. В качестве меры предосторожности он предоставил мне подробное донесение по этому делу. Но оказалось, что это донесение – всего лишь чистый лист бумаги. Вот оно, и вот конверт от него. А это картонная коробочка, которую он также оставил мне, в ней лежала надкусанная плитка шоколада.

– Вы позволите мне взглянуть на эти два предмета, господин префект?

– Да, но они вам ничего не скажут.

– Возможно...

Дон Луис долго рассматривал картонную коробку и желтый конверт с надписью «Кафе Пон-Нёф». Все ждали, что он скажет, словно его слова могли пролить какой-то свет на это дело. Но он только произнес:

– На конверте и на коробке разный почерк. На конверте – менее четкий, немного неровный, явно подделанный.

– И это доказывает?..

– И это доказывает, господин префект, что желтый конверт – явно не донесение вашего агента. Я полагаю, что после того, как он написал свой рапорт в кафе «Пон-Нёф» и запечатал конверт, он на мгновение отвлекся и конверт подменили точно таким же и с тем же адресом, но в котором лежал только чистый лист бумаги.

– Это все домыслы! – возразил префект.

– Возможно. Но очевидно одно: предчувствия вашего инспектора были вполне обоснованны, за ним постоянно следили, а собранные им сведения относительно наследства Морнингтона мешают осуществлению планов преступников, и теперь ему грозит серьезная опасность.

– Господи!

– Его нужно спасать, господин префект. С самого начала нашей встречи у меня сложилось твердое убеждение, что мы стоим у кого-то на пути. Я надеюсь, что еще не поздно и ваш инспектор не станет первой жертвой.

– Месье, – воскликнул префект, – вы говорите с убежденностью, достойной восхищения, но ее явно недостаточно, чтобы считать ваши опасения оправданными! И расследование инспектора Веро станет лучшим тому свидетельством.

– Инспектор Веро не придет.

– Почему же?

– Потому что он уже здесь. Дежурный его видел.

– Дежурный перепутал. Если у вас нет других доказательств, кроме его слов...

– У меня они есть, господин префект, их оставил у вас в кабинете сам инспектор Веро. Это несколько почти неразборчивых слов, которые он нацарапал в блокноте в отсутствие вашего секретаря. Они только что попались мне на глаза. Вот этот блокнот. Разве это не доказывает, что он возвращался сюда? Определенно доказывает!

Префект не мог скрыть своего замешательства. Присутствующие явно опешили. Возвращение секретаря только усилило опасения. Никто не видел инспектора Веро.

– Господин префект, – сказал дон Луис, – я настаиваю, чтобы вызвали дежурного.

И как только дежурный вошел в кабинет, он спросил его, даже не дожидаясь разрешения префекта:

– Вы уверены, что инспектор Веро входил сюда во второй раз?

– Абсолютно уверен.

– Но не выходил отсюда?

– Нет, не выходил.

– И вы ни на секунду не отвлекались?

– Ни на секунду.

Префект воскликнул:

– Вот видите, господа! Если бы инспектор Веро находился здесь, мы бы не могли этого не заметить.

– Он здесь, господин префект, – твердо сказал дон Луис.

– Что?

– Простите мою настойчивость, господин префект, но я имею в виду, что, если человек заходит в помещение и больше оттуда не выходит, это означает, он все еще в нем находится.

– То есть он где-то здесь прячется?

– Нет, скорее потерял сознание, ему стало плохо... может быть, он даже умер.

– Но где он, черт побери?

– За этой ширмой.

– За ней ничего нет, только дверь.

– И эта дверь...

– Ведет в туалетную.

– Допустим, господин префект, что у инспектора Веро закружилась голова, он потерял ориентацию и, полагая, что из вашего кабинета идет в кабинет секретаря, оказался в туалетной и упал там.

Демалион бросился туда, но замешкался, перед тем как открыть дверь. Может быть, у него возникло дурное предчувствие или ему вдруг захотелось выйти из-под влияния этого поразительного человека, который так уверенно раздавал приказы, что казалось, сам командовал событиями. Дон Луис оставался невозмутимым, сохраняя при этом почтительный вид.

– Не могу поверить... – произнес Демалион.

– Господин префект, хочу вам напомнить, что сообщение инспектора Веро может спасти жизни двух человек, которые должны умереть сегодня ночью. Теперь на счету каждая минута.

Префект пожал плечами. Но этот дон Перенна подавлял его своей абсолютной убежденностью. И он открыл дверь.

Он не отшатнулся, не закричал. Он просто пробормотал:

– Боже, что это?

В бледном свете, проникавшем через окно с матовыми стеклами, было видно расprostертое на полу тело.

– Это инспектор... инспектор Веро, – заикаясь, произнес подошедший ближе дежурный. Вместе с секретарем они подняли Веро и усадили его в кресло в кабинете.

Он был еще жив, но уже так слаб, что биение сердца почти не прослушивалось. Из уголка рта стекала струйка слюны. Глаза остекленели. Однако некоторые мышцы лица двигались, возможно усилием воли, которая сохранялась, если так можно выразиться, за гранью жизни.

Дон Луис пробормотал:

– Взгляните, господин префект, на коричневые пятна...

Присутствующие, охваченные ужасом, начали нажимать на звонок, открывать двери и звать на помощь.

– Срочно вызвать врача! – приказал Демалион. – Не важно какого. И священника... Но мы не можем допустить, чтобы этот человек...

Дон Луис поднял руку, призывая к тишине.

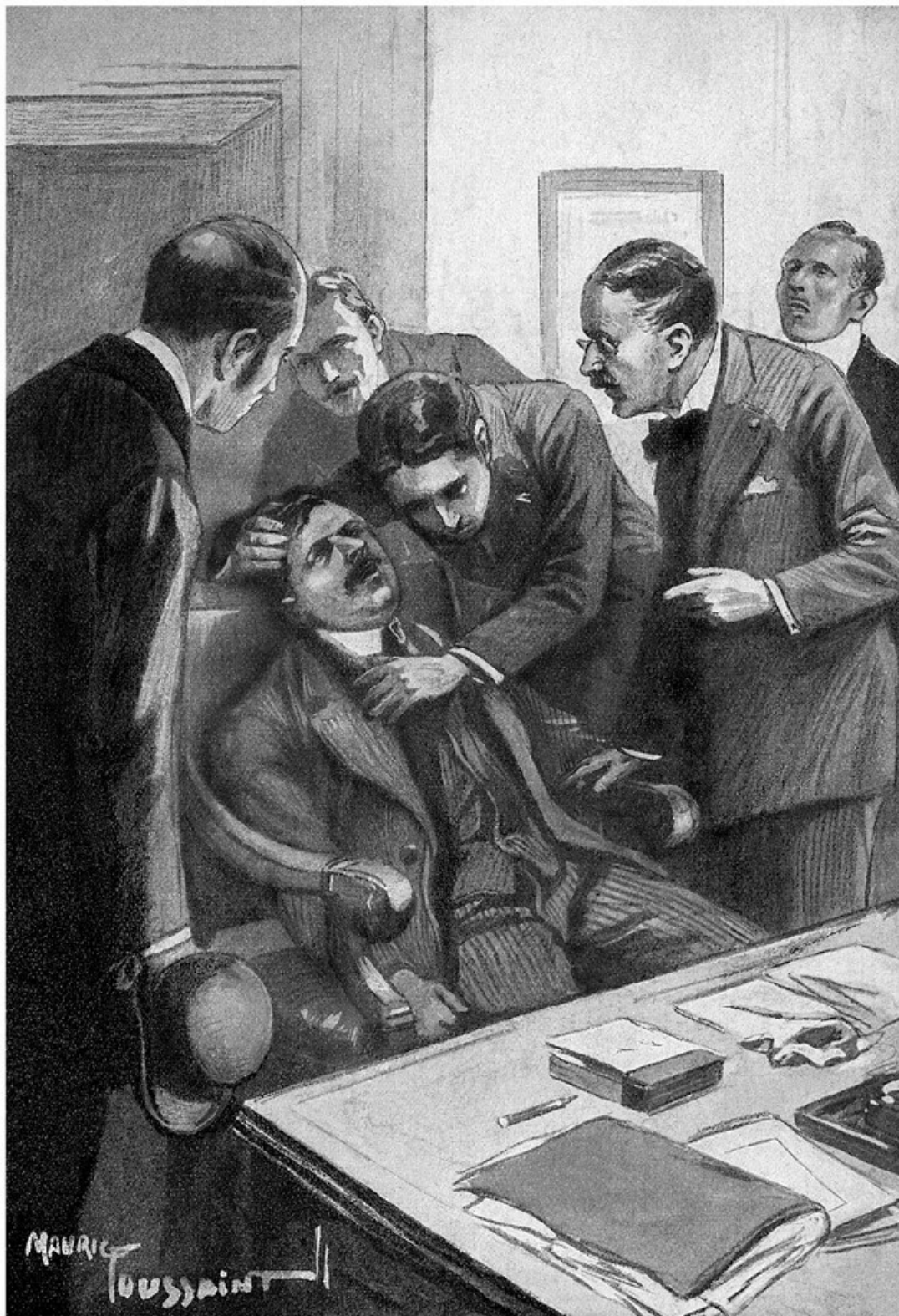
– Ему уже не помочь, – сказал он. – Лучше постараемся воспользоваться последними минутами... Вы позволите мне, господин префект?..

Он склонился над умирающим, прислонил его падающую на грудь голову к спинке кресла и очень тихо прошептал:

– Веро, с вами говорит префект. Мы хотели бы получить сведения о том, что должно произойти сегодня ночью. Вы меня слышите, Веро? Если вы меня слышите, опустите веки.

Веки опустились. Но вдруг это случайность? Дон Луис продолжил:

– Нам известно, что вы нашли наследников сестер Руссель и что двоим из наследников угрожает смерть... Двойное преступление должно быть совершено сегодня ночью. Но мы не знаем их имен, – вероятно, у них теперь другая фамилия. Вы должны нам ее сказать. Послушайте меня внимательно: вы написали в блокноте две буквы, которые, кажется, образуют слог «Фо»... Я не ошибаюсь? Это начало имени? Какая буква следует потом? «Б»? «В»?

Но бледное лицо инспектора оставалось неподвижным. Голова тяжело упала на грудь. Его сотрясал сильный озноб, он издал два или три вздоха и больше не двигался. Он был мертв.

Глава вторая

Обреченный на смерть

Трагические события произошли с такой скоростью, что похолодевшие от ужаса свидетели никак не могли прийти в себя. Нотариус перекрестился и опустился на колени. Префект прошептал:

– Бедняга Веро... славный малый, думал только о службе, только о долге... Вместо того чтобы кинуться к врачу за помощью... его, возможно, успели бы спасти... он вернулся сюда, надеясь сообщить мне секретную информацию. Бедняга Веро...

– У него осталась жена? Дети? – с тревогой спросил дон Луис.

– Жена и трое детей, – ответил префект.

– Я позабочусь о них, – спокойно произнес дон Луис.

Когда прибыл доктор и Демалион отдал распоряжение перенести тело в соседнюю комнату, он отвел врача в сторону и сказал:

– Нет никаких сомнений, что инспектор Веро был отравлен. Взгляните на его запястье – и вы увидите воспалившийся след от укола.

– Значит, его укололи именно в запястье?

– Да, булавкой или острием пера, но не так глубоко, как намеревались, поскольку смерть наступила только несколько часов спустя.

Полицейские вынесли тело убитого, и вскоре в кабинете префекта остались только пятеро – те, кого он вызвал на встречу.

Американский секретарь посольства и перуанский атташе, посчитав свое присутствие излишним, удалились, выразив горячее восхищение прозорливостью дона Луиса Перенны.

Затем настала очередь майора д'Астриньяка, который с нескрываемой симпатией пожал руку своему бывшему подчиненному. Мэтр Лепертюи и дон Перенна, договорившись о дате передачи наследства, уже собрались было распрощаться, когда в кабинет быстро вошел префект:

– А, вы еще здесь, дон Луис Перенна... Тем лучше! Мне пришла в голову одна мысль... Те две буквы, которые, как вам кажется, вы расшифровали в блокноте... вы уверены, что там слог «Фо»?

– Да, мне так кажется, господин префект. Взгляните, разве это не «Ф» и «О»? И обратите внимание, что «Ф» – заглавная буква, то есть можно предположить, что это начало имени собственного.

– И впрямь, – согласился Демалион. – Любопытно то, что этот слог точно... Ну что ж, мы проверим...

Он стал лихорадочно перебирать корреспонденцию, приготовленную секретарем и разложенную на краю письменного стола.

– Вот оно! – воскликнул он, взглянув на подпись. – Вот оно... Я так и думал... Фовиль... первый слог совпадает. Смотрите, просто Фовиль, без имени... Наверное, письмо было написано в лихорадочном состоянии... Ни числа, ни адреса. Подпись сделана дрожащей рукой...

И Демалион прочел вслух:

*Господин префект,
мне и моему сыну грозит страшная опасность. Смерть приближается семимильными шагами. Сегодня ночью или самое позднее – завтра утром у меня будут доказательства чудовищного заговора против нас. Прошу Вашего разрешения представить их утром. Мне требуется защита, и я прошу Вас о помощи.*

Примите заверения и проч.

Фовиль

– И никаких других сведений? На бумаге нет фирменного знака? – спросил Перенна.

– Нет, но все равно ошибки быть не может. Заявления Веро слишком точно совпадают с этим отчаянным призывом. Именно Фовиль и его сын должны быть убиты сегодня ночью. И самое ужасное – фамилия Фовиль настолько распространенная, что мы вряд ли отыщем их вовремя.

– Как, господин префект?! Мы должны любой ценой...

– Разумеется, любой ценой, я всех поставлю на ноги. Но заметьте, что у нас нет ни единой зацепки.

– Господи! – воскликнул дон Луис. – Это было бы ужасно. Отец и сын обречены на смерть, а мы не можем их спасти. Господин префект, умоляю вас, возьмите это дело в свои руки. По воле Космо Морнингтона вы вовлечены в него с первой минуты, и своим авторитетом и опытом вы ускорите расследование.

– Это зависит от Сюрте...⁴ прокуратуры... – возразил Демалион.

– Конечно, господин префект. Но не кажется ли вам, что бывают такие ситуации, когда начальник имеет право действовать по своему усмотрению? Простите мою настойчивость, но...

Он не успел договорить, как вошел секретарь префекта, держа в руках визитную карточку:

– Господин префект, этот посетитель очень настойчиво требует... Я колебался...

Демалион схватил карточку и издал возглас удивления и восторга.

– Взгляните, – обратился он к Перенне, и тот прочитал:

ИППОЛИТ ФОВИЛЬ, инженер, бульвар Сюше, 14-бис.

– Ну вот, – сказал месье Демалион, – судьбе угодно, чтобы все нити этого дела оказались в моих руках и, в соответствии с вашим желанием, месье, мне пришлось бы им заняться. Мне кажется, события складываются в нашу пользу. Если этот Фовиль – один из наследников сестер Руссель, наша задача значительно упрощается.

– Прошу прощения, господин префект, – возразил нотариус, – но хочу напомнить вам, что в одном из пунктов этого странного завещания оговаривается, что оно должно быть оглашено только через сорок восемь часов. Поэтому месье Фовилю пока не следует сообщать...

Дверь кабинета слегка приоткрылась, и в кабинет, оттолкнув дежурного, ворвался мужчина.

Он сбивчиво проговорил:

– Инспектор... инспектор Веро? Это правда, что он умер? Мне сказали...

– Да, месье, он скончался.

– Я опоздал. Слишком поздно, – пробормотал посетитель.

И он рухнул на стул, сжав руки и рыдая:

– Ах, мерзавцы! Мерзавцы!

Лысая голова, испещренный глубокими морщинами лоб. Сперва у него от нервного тика дергался подбородок, потом задержались даже мочки ушей. Это был человек болезненного вида, не старше пятидесяти, очень бледный, со впалыми щеками, по которым катились слезы.

Префект спросил у него:

– Кого вы имеете в виду? Тех, кто убил инспектора Веро? Не могли бы вы назвать их, чтобы направить наше расследование по верному следу?

Ипполит Фовиль покачал головой:

⁴ *Сюрте* – старое сокращенное название служб безопасности во Франции.

– Нет-нет. В данный момент это бесполезно... Моих доказательств будет недостаточно... Нет, к сожалению, нет.

Он встал и начал извиняться:

– Господин префект, я напрасно вас побеспокоил... но я хотел узнать... Я надеялся, что инспектору Веро удалось вырваться... Наши с ним свидетельства были бы бесценны. Но может быть, он успел вам что-то сообщить?

– Нет, он только упомянул о сегодняшнем вечере, о ночи...

Ипполит Фовиль так и подскочил:

– О сегодняшнем вечере?! Значит, час уже настал... Нет-нет, это невозможно, они пока ничего не могут со мной сделать. Они не готовы.

– Однако инспектор Веро утверждал, что двойное преступление должно совершиться этой ночью.

– Нет, господин префект... Тут он ошибается... Я-то хорошо это знаю... Самое раннее – завтра вечером. Мы загоним их в ловушку... Ах, мерзавцы...

Дон Луис подошел к нему и спросил:

– Вашу мать звали Эрмелина Руссель, не так ли?

– Верно, Эрмелина Руссель. Но ее уже нет в живых.

– И она была из Сент-Этьена?

– Да... Но к чему эти вопросы?

– Господин префект завтра вам объяснит... И еще кое-что.

Перенна открыл коробку, оставленную инспектором Веро:

– Эта плитка шоколада имеет какое-то значение? Эти отпечатки?

– Боже! – глухо произнес инженер. – Какая низость! Где инспектор нашел это?

Он пошатнулся, но быстро пришел в себя, выпрямился и торопливо устремился к двери:

– Я ухожу, господин префект. Завтра утром сообщу вам обо всем... У меня будут все доказательства... и правосудие защитит меня... Да, я болен, но я все равно хочу жить! Я имею на это право... и мой сын тоже... И мы будем жить... Какие мерзавцы...

И он выбежал из кабинета, пошатываясь, как пьяный.

Демалион поспешно поднялся:

– Я распоряжусь, чтобы собрали информацию об окружении этого Фовиля. Надо установить слежку за его домом. Я уже звонил в Сюрте и жду человека, которому могу полностью доверять.

Дон Луис сказал:

– Господин префект, умоляю вас, позвольте мне продолжить это дело под вашим началом. Согласно завещанию Космо Морнингтона, это становится не только моей обязанностью, но и, позвольте заметить, моим правом. Враги месье Фовиля действуют необычайно отважно и дерзко. Я сочту за честь находиться сегодня вечером на посту в его доме рядом с ним.

Но префект колебался. Не думал ли он, что дон Луис Перенна весьма заинтересован в том, чтобы не нашелся ни один из наследников Морнингтона или, по крайней мере, не мог встать между ним и завещанными миллионами? Объясняется ли это странное желание защитить Ипполита Фовиля от грозившей ему гибели одним только высоким чувством признательности, высшим пониманием дружбы и долга?

Несколько секунд Демалион вглядывался в решительное лицо, в умные глаза своего собеседника – одновременно ироничные и бесхитростные, серьезные и насмешливые, которые, разумеется, не позволяли проникнуть в тайну личности этого человека, хотя смотрели на вас так искренне и открыто. Затем он позвонил секретарю:

– Из сыскной полиции уже пришли?

– Да, господин префект, бригадир Мазеру уже здесь.

– Пусть он войдет.

И, обращаясь к Перенне:

– Бригадир Мазеру – один из наших лучших агентов. Когда мне требовался кто-то находчивый и сообразительный, я поручал задания либо ему, либо бедняге Веро. Он будет очень полезен для вас.

Вошел бригадир Мазеру. Это был невысокий человек, сухой и крепкий. Висячие усы, тяжелые веки, слезящиеся глаза и длинные прилизанные волосы придавали ему на редкость меланхоличный вид. Префект сказал ему:

– Мазеру, вы, должно быть, уже знаете о смерти вашего товарища Веро и о страшных обстоятельствах его смерти. Мы должны за него отомстить и предотвратить новые преступления. Этот господин, досконально знакомый с делом, даст вам все необходимые пояснения. Вы договоритесь с ним, а завтра утром доложите мне о ходе дела.

Это означало свободу действий для дона Луиса Перенны и приказ положиться на его инициативу и прозорливость.

Дон Луис поклонился:

– Благодарю вас, господин префект. Я надеюсь, что вы не пожалеете об оказанном мне доверии.

И, распрощавшись с Демалионом и мэтром Лепертюи, он вышел с бригадиром Мазеру.

Когда они остались вдвоем, он рассказал Мазеру все, что знал, об этом деле, и тот, весьма впечатленный профессиональными качествами своего напарника, выразил готовность работать под его началом.

Сначала они решили зайти в кафе «Пон-Нёф». Там они узнали, что инспектор Веро, завсегдатай этого заведения, действительно утром писал там длинное письмо. И обслуживавший его официант очень хорошо запомнил, что сосед Веро по столу, пришедший в кафе почти одновременно с ним, тоже попросил писчую бумагу и дважды требовал принести ему желтые конверты.

– Так и есть, – сказал Мазеру дону Луису. – Как вы и предполагали, письмо Веро подменили.

Описание, которое смог дать официант, было достаточно подробным: мужчина высокого роста, слегка сутулый, с шатеновой бородкой клинышком, в пенсне в черепаховой оправе со свисавшим черным шелковым шнурком, с тростью черного дерева с серебряным набалдашником в виде головы лебедя.

– Такого описания полиции будет достаточно, – сказал Мазеру.

Они уже собирались покинуть кафе, когда дон Луис остановил своего спутника:

– Одну минуту.

– Что случилось?

– За нами следят...

– Следят! Быть того не может! Кто?

– Не важно. Я знаю, в чем дело, и хотел бы покончить с этой слежкой как можно скорее. Подождите меня. Я вернусь и обещаю, что скучно не будет. Вы встретитесь с одним высокопоставленным лицом.

И действительно, через минуту он вернулся в сопровождении высокого, худого человека с лицом, обрамленным бакенбардами.

Дон Луис познакомил мужчин:

– Месье Мазеру, мой друг. Сеньор Касерес, атташе перуанской миссии, присутствовавший на встрече с префектом. Именно сеньору Касересу министр Перу поручил собрать документы, устанавливающие мою личность. – И, улыбаясь, добавил: – Итак, дорогой сеньор Касерес, вы меня искали... Я так и подумал, когда мы вышли из префектуры...

Перуанский атташе знаком указал на бригадира Мазеру. Перенна продолжил:

– Не беспокойтесь... Месье Мазеру нам не мешает! При нем можно говорить о чем угодно... Он не из болтливых... и к тому же посвящен в это дело.

Атташе молчал. Перенна пригласил его сесть напротив себя.

– Говорите без обиняков, сеньор Касерес. И давайте называть вещи своими именами. Это сэкономит много времени! Приступим. Вам нужны деньги, не так ли? Видимо, той суммы недостаточно? Сколько?

Перуанец на мгновение замешкался, взглянул на спутника дона Луиса, а затем, внезапно решившись, негромко произнес:

– Пятьдесят тысяч франков!

– Черт возьми! – воскликнул дон Луис. – А у вас губа не дура! Что скажете, месье Мазеру? Пятьдесят тысяч франков – немалые деньги. Тем более что... Давайте подытожим, мой дорогой Касерес. Несколько лет назад я имел честь познакомиться с вами в Алжире, когда вы были там проездом, и, поняв, с кем имею дело, я спросил вас, не смогли бы вы за три года, воспользовавшись моей фамилией Перенна, сделать из меня испаноперуанца, снабдив надежными документами и уважаемыми предками. Вы ответили «да». Мы договорились о цене: двадцать тысяч франков. Когда на прошлой неделе префект полиции затребовал мои документы, я обратился к вам и узнал, что именно вам поручили расследовать мое происхождение. Впрочем, все уже было готово. С помощью надлежащим образом подготовленных документов покойного испаноперуанского аристократа Перенны вы состряпали для меня гражданский статус высшей пробы. Условившись, что конкретно мы скажем префекту полиции, я заплатил вам двадцать тысяч франков. Мы в расчете. Чего вы теперь хотите?

Перуанский атташе больше не выказывал ни малейшего смущения. Усевшись поудобнее и положив локти на стол, он спокойно произнес:

– Месье, когда мы общались раньше, я полагал, что имею дело с человеком, который, по каким-то личным причинам став легионером, хочет теперь вернуться к респектабельной жизни. Но сегодня вы – единственный наследник Космо Морнингтона и завтра, прикрываясь вымышленным именем, получите один миллион, а через несколько месяцев, возможно, и двести миллионов. Это в корне меняет дело.

Такой аргумент, казалось, поразил дона Луиса. Но тем не менее он возразил:

– А если я откажусь?

– Если вы откажетесь, я сообщу нотариусу и префекту полиции, что ошибся, когда проводил расследование, и неправильно установил личность дона Луиса Перенны. В этом случае вы вообще ничего не получите и, возможно, даже будете арестованы.

– Вместе с вами, милейший...

– При чем тут я?

– Черт возьми! За подлог и подделку записи акта гражданского состояния сажают в тюрьму... Разумеется, я во всем признаюсь.

Атташе молчал. Его и без того внушительный нос в обрамлении бакенбард, казалось, стал еще длиннее.

Дон Луис рассмеялся:

– Послушайте, сеньор Касерес, не корчите такую мину! Вас никто не собирается обидеть. Только не пытайтесь снова меня облапошить. Люди поумнее вас пробовали и обожглись. А уж шантажом-то заниматься... Как-то даже наивно с вашей стороны, сеньор Касерес, да, немного наивно. Так вы меня поняли? Сложим оружие? Больше никаких козней против замечательного месье Перенны?.. Отлично, сеньор Касерес, отлично, я выступлю в роли доброго волшебника и докажу вам, что из нас двоих более честен... тот, о ком мы оба подумали.

Он достал из кармана чековую книжку банка «Креди Лионе»:

– Держите, дорогой друг, двадцать тысяч франков от наследника Космо Морнингтона. Улыбнитесь и спрячьте чек в карман. Скажите спасибо щедрому господину. И уходите подобру-поздорову, не оглядываясь, как дочери Лота⁵. Ну же... Брысь отсюда!

Это было сказано так твердо, что атташе безоговорочно выполнил все распоряжения дон Луиса Перенны. Он улыбнулся, когда брал чек, дважды сказал «спасибо» и ушел, не повернув головы.

– Негодяй! – пробормотал дон Луис. – Ну, что скажете, бригадир?

Бригадир Мазеру смотрел на него, оторопев от изумления и выпучив глаза.

– Да, но месье...

– В чем дело, бригадир?

– Да, но, месье, кто вы такой?

– Кто я?

– Да, месье.

– Но разве вам еще не сказали? Благородный перуанец или благородный испанец... Испанский... Впрочем, я точно не осведомлен... Короче говоря, дон Луис Перенна.

– Вздор! Я только что слышал...

– Дон Луис Перенна, бывший легионер...

– Довольно, месье...

– Награжден медалью, орденом... За все деяния.

– Повторяю – довольно, месье, мы немедленно идем к префекту.

– Но позвольте мне закончить, черт подери! Итак, бывший легионер... бывший герой... бывший узник Санте...⁶ бывший русский князь... бывший начальник сыскной полиции... бывший... бывший...

– Да вы с ума сошли! – воскликнул бригадир. – Это еще что за история?

– Настоящая, не выдуманная. Вы спрашиваете меня, кто я такой... Я перечисляю. Углубимся в прошлое? У меня есть в запасе и другие титулы... маркиз, барон, герцог, эрцгерцог, великий герцог, малый герцог, контргерцог... фактически весь высший свет в одном лице! Говорят, что когда-то я был королем, и, черт побери, я не возьмусь утверждать обратное.

Бригадир Мазеру крепко сжал руками, привыкшими к грубой работе, хрупкие на вид запястья собеседника и сказал ему:

– Не будем поднимать шума, хорошо? Не знаю, с кем я имею дело, но от меня вы не уйдете. Выясним все в префектуре.

– Потихе, Александр.

Два хрупких запястья высвободились с невиданной ловкостью, и теперь в тисках оказались две сильные руки бригадира, а дон Луис рассмеялся:

– Ты что, не узнаешь меня, дуралей?

Бригадир Мазеру не проронил ни слова. Его глаза, казалось, готовы были вылезти из орбит. Он пытался понять, что происходит, но оставался в полном недоумении.

Этот голос, эта манера шутить, мальчишество в сочетании с дерзостью, насмешливый взгляд... и имя Александр – так называл его только один человек на свете. Возможно ли это?

Он прошептал:

– Патрон... патрон...

– Есть сомнения?

– Нет... нет... но ведь вы...

– Что – я?

⁵ Намек на библейский рассказ о Содоме и Гоморре.

⁶ *Санте* – тюрьма в Париже, основанная в 1867 г. и существующая по сей день. Единственная тюрьма, расположенная в пределах города. Ее название Санте (*фр. Santé*), в переводе «здоровье», происходит от расположенной рядом одноименной улицы.

- Вы умерли.
- И что с того? Думаешь, мне это мешает жить?

И поскольку Мазеру выглядел все более озадаченным, его собеседник положил руку ему на плечо и спросил:

- Кто принял тебя на работу в префектуру полиции?
- Начальник сыскной полиции месье Ленорман.
- А кто такой этот месье Ленорман?
- Ну, мой бывший начальник.
- Иначе говоря, Арсен Люпен, не так ли?
- Да.

– Хорошо, Александр, но разве ты не понимаешь, что Арсену Люпену было гораздо труднее безупречно служить начальником сыскной полиции, чем быть доном Луисом Перенной, чем получать ордена, чем быть легионером, чем быть героем и даже чем быть живым, оставаясь при этом мертвым?

Бригадир Мазеру молча смотрел на собеседника. Затем его печальные глаза оживились, бесцветное лицо вспыхнуло, и вдруг, стукнув кулаком по столу, он с яростью процедил сквозь зубы:

– Что ж, пусть так, но предупреждаю: на меня не рассчитывайте! Ни под каким видом! Я служу обществу и буду ему служить. Ничего не попишешь. Я попробовал быть честным, и другого хлеба мне не надо. Нет-нет, ни за что, больше никаких глупостей!

Перенна пожал плечами:

– Ты не умен, Александр. Что правда, то правда, на честных хлебах твой интеллект не расцвел. Кто говорит о том, что нужно начинать все сызнова?

- Однако...
- Однако – что?
- Все ваши авантюры, патрон...
- Мои авантюры! Ты что, думаешь, у меня есть какой-то интерес в этом деле?
- Но послушайте, патрон...
- Совершенно никакого, дружище. Два часа назад я знал не больше твоего. По милости

Всевышнего на меня неожиданно-негаданно свалилось наследство, и послушаться Его было бы...

- Что – было бы?
- Сам знаешь. Поэтому моя миссия – отомстить за Космо Морнингтона, найти его прямых наследников, защитить их и разделить между ними принадлежащие им двести миллионов. Вот и все. Разве честный человек может поступить иначе?

- Да, но...
- Да, но если я поступлю не как честный человек, ты это имеешь в виду, не так ли?
- Патрон...

– Так вот, дружище, если ты, даже вооружившись микроскопом, выищешь что-то недостойное в моем поведении, если обнаружишь, что совесть дона Луиса Перенны чем-то запятнана, немедленно хватай меня за шиворот. Даю тебе официальное разрешение. Даже приказываю. Этого достаточно?

- Нет, недостаточно, патрон.
- Как это?
- Есть и другие проблемы.
- Объясни.
- А что, если вас поймают?
- Каким это образом?
- Вас могут выдать.
- Интересно, кто же?

- Наши старые приятели...
- Я их всех выпроводил из Франции.
- Куда?
- А вот это мое личное дело. Тебя я оставил в префектуре на случай, если мне понадобятся твои услуги. И как видишь, оказался прав.
- А если они дознаются, кто вы на самом деле?
- Ну и что с того?
- Вас арестуют.
- Это исключено.
- Почему?
- Меня не могут арестовать.
- По какой такой причине?
- Подумай сам, дуралей, – это ж ясно как божий день! Есть одна веская, неоспоримая, убедительная причина...
- Что за причина?
- Я умер.

Казалось, Мазеру сейчас задохнется. Аргумент Перенны выбил у него почву из-под ног. Он сразу уловил его силу и весь комизм ситуации и внезапно разразился безумным смехом, от которого согнулся пополам, а его меланхоличное лицо забавно искривилось...

– Ну, патрон, вы, как всегда, в своем репертуаре!.. Господи, до чего смешно!.. Дошло ли до меня? Конечно, теперь дошло! Вы умерли! Вас похоронили! Вычеркнули из списков живых! Вот умора! Просто нет слов!

Инженер Ипполит Фовиль жил на бульваре Сюше, тянущемся вдоль старинной крепостной стены, в довольно большом особняке, к которому слева, со стороны сада, он пристроил просторное помещение, служившее ему кабинетом. Таким образом, сад был сведен к нескольким деревьям и полоске травы, а увитые плющом ворота с калиткой отделяли его от бульвара.

Дон Луис Перенна отправился с Мазеру в полицейский участок Пасси, где по его указанию Мазеру представился и попросил, чтобы за особняком инженера Фовиля в течение ночи вели наблюдение двое полицейских и без промедления задерживали бы любого подозрительного человека, пытающегося проникнуть внутрь.

Комиссар полиции пообещал содействие.

Затем дон Луис и Мазеру поужинали в ресторанчике по соседству. В девять часов вечера они уже стояли перед главным входом в особняк.

- Александр, – сказал Перенна.
 - Да, патрон?
 - Не боишься?
 - Нет, патрон. С чего бы?
 - Защищая инженера Фовиля и его сына, мы столкнемся с теми, кто весьма заинтересован, чтобы они исчезли, и, похоже, эти люди ни перед чем не остановятся. Твоя жизнь, моя жизнь... просто ничто, дуновение ветра... И ты не боишься?
 - Патрон, – ответил Мазеру, – я не могу поручиться, что никогда в жизни не испытаю страха. Но точно знаю, когда мне не бывает страшно.
 - Это когда же, старина?
 - Когда я рядом с вами.
- И он решительно позвонил в дверь.

На пороге появился слуга, Мазеру протянул ему свою визитную карточку.

Ипполит Фовиль принял их у себя в кабинете. Стол был завален брошюрами, книгами и бумагами. На двух пюпитрах на высоких ножках лежали эскизы и чертежи, а в двух застекленных витринах были выставлены миниатюры из стали и слоновой кости – модели аппаратов,

построенных или изобретенных самим инженером. У стены стоял широкий диван. Напротив – винтовая лестница вела на опоясывающую кабинет галерею. С потолка спускалась электрическая люстра. На стене висел телефон.

Назвав себя, Мазеру представил своего друга Перенну, заявив, что их обоих направил префект полиции, и объяснил цель визита: префекту только что стало известно о серьезной опасности, грозящей инженеру, и он весьма этим обеспокоен. Не дожидаясь завтрашней встречи, он просит месье Фовиля принять все меры предосторожности по указанию его агентов.

Сперва Фовиль высказал недовольство:

– Все меры предосторожности приняты надлежащим образом. Кроме того, боюсь, что ваше вмешательство пойдет мне только во вред.

– В каком смысле?

– Вы привлечете внимание моих врагов и помешаете мне собрать доказательства, необходимые для того, чтобы сбить их с толку.

– Вы можете объяснить более внятно?

– Нет, не могу... Не раньше чем завтра, завтра утром...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.